

СТРАНА НАШЕГО ДЕТСТВА

ственному прицелу должен быть спектакль, чтобы записать в сердце на все жизни! И как важно, чтобы человек в детстве, очень верно называемом «Сезон» или «страной» («Я пришел из детства, как из страны...»), делал для себя открытие за открытием...

В стране моего детства главным открытием был театр.

Меня вменявали «актвым тюзом», и я безмерно гордился этим. Кстати, из того же актыва, из моей же «страны» пагунула в жизнь всем известное поэт Николай Доризо (у него есть стихи, посвященные нашему театру), доктор искусствоведения Г. Болдинки, кинорежиссер Ю. Карасиц, актриса Ленинградского театра комедии Валентина Балдина и другие. Мы были впечатлительны, как все дети. Но яшу впечатлительность мудро направляли. Никто не ждал, пока мы сами придем в театр — театр приходил в школу. Просили оформить театр, макет, принять участие в диспуте. Несли драмкружки, в которых мы постигали сценические мастерство, художественное слово — просто учились любить искусство. Вот так постепенно активизировалась наша мысль, выработалось умение тактично и аргументированно отстаивать в споре свою точку зрения.

Работники театра щедро дарили нам радость познания прекрасного. У нас был свой театр в полном смысле слова, как своя школа, свой дом. И там, естественно, не смогли пройтись мимо моих попыток писать стихи, рассказы. Посоветовали: «Ты

пись попробуй». И я попробовала. И ее поставила с нами же, школьниками, актриса А. И. Левитан... Может быть, именно этому пришлому, серьезному вниманию и обязан тем, что оказались во мне сфокусированы в одну точку театр и литература?

Вытует внимание, будто маленькие дети, вышедшие молодежи более рациональны, чем в их годы были мы, трудно, дескать, театру их пропеть. Мнение основано на неоспоримом: стремительный шаг и ритм века, власть телевидения. И все же... (И все же!)

Смотрю в Ростовском театре имени Ленинского комсомола спектакль «Нахаленок» (всценарировка А. Агафонова), посвященный 70-летию М. Шолохова. Настроившись на «рационального» зрителя и потому особенно старательно вслушиваясь в реакцию, вглядываюсь в лица: ведь как ни прятать свои чувства, они прорвутся во взгляде, мимолетном движении, улыбке — доброжелательной или ироничной. И вот уже через несколько минут забываю, что в зале «рационалисты». Минча-Нахаленок (мимич, величельный лебод молодой актвуса Г. Паленко) рождает волну сопущелья и симпатий, а его действительно смешные высказывания и поступки — не снисходительные улыбки — ихохот. И в точности, как в моем детстве, — безошибочное восприятие образа, символ, детали.

Все-все они понимают, они радуются и горюют, они волнуются за судьбу нашего героя. Такие же! На спектакле «Драма» лирики зритель постра-

ше. Десяткалссники, студенты. Ну, думаю, вот тут то и будет рациональное восприятие. И поначалу здесь было уже не так просто сказать «также же», и чувствовал, что им нравятся бравада Майджана, его утверждение своего «я» под прикрытием откровенной грубости. Нравятся ветерпники, заочность Юля Баушкиной, с бездумной легкостью избалованного человека игнорирующей заботы и любовь матери. Реакцией на отдельные реплики зритель как бы утверждал свое согласие с происходящим. Но вот кульминационная сцена: директор школы рассказывает о санитарке Надежде Назаровой, которая спасла его, мальчика, в войну, дала ему свою фамилию, образование, все, чем он теперь богат. А его дочь, маленькая Надя, стыдится продуктов, «необразованных» бабушкиных слов... И заметно меняется реакция. Тяжелые — от них не отмахнешься — слова падают в тишину.

На сцене их слушают выкусники школы. Но они (до чего точно изиден символ!) словно бы нежные — полумумии, полукуклы. Таковы их сделали черствость и грозный порождение между прочим, нами же, родителями, нелепо репнившими, что раз нам жились трудно, пусть хоть детям будет легко. А легкое, как мы знаем, мельчить и уродует.

— Кто дал право? — жестко роняет в зал артист П. Буляк, играющий директора школы, обращаясь уже и тем, кто только что похихивывал, разделяя дерзость и мизантропию «героев». И на заднике сцены появляется сердце. Их ребячье,

а может, наше — родительское. Биться бы им, нашим сердцам, вровень, не оставив друг в друге зазубрин, да что-то произошло тревожное, нелепое: старшие забыли о всеобщем чувстве доверия к младшим, без которого нет «искренности пудамн», а младшие — о святости и красоте уважения, о щедрой доброте.

Главный режиссер театра Ю. Еремин и художник В. Ромахов нашли точный образ не только для спектакля, но и для современной действительности — образ пульсирующего сердца. Громко билось оно у мальчишек и девчонок моего поколения. И как радостно ощущать, когда так же громко бьется оно и у нынешних. Но как горько сознавать, что часто мы этого бьения попросту не слышим. Вот тогда между старшими и младшими возникает некий водораздел, вызывая конфликтные ситуации, серьезные ожождения...

Можно ли уметь жить, стержать это водораздел силами искусства? Театр юного зрителя; так напоминавший мне тот, из моего детства, не перестает искать ответа на этот вопрос. Если верно, что Дети сейчас много шуме с родителями, сдержаннее, не столь контактные, как десятилетия назад, то почему бы, например, не последовать сближению, пригласив в театр детей вместе с родителями. Газета писала уже о том, что есть такой опыт, и он поощряется: социальность старших и то, что происходит на глазах младших, рождает томят мимолетности, помогает какими-то важным открытиям друг в друге, появляется сердечное тепло, которого ныне

Р. Штраля — дипломом фестивала в ГДР. «Эй, ты, здравствуй!» Г. Мамдина — дипломом Всесоюзного фестивала детских театров. А мне хочется отметить еще одну работу коллектива, которая, думаю, убедительно характеризует его позицию. — «Дон Кихот». Почему тюзочки избрали эту инсценировку Евг. Шварца? Вот примерно их аргументы:

— Мы учим детей быть правдивыми, честными, храбрыми. Мы хотим видеть их только такими. Но, прививая им добро и честность, подчас забываем напоминать о том, что бороться за правду, воевать со злом не всегда легко и просто...

И позиция, которую утверждает театр, рождает в зале положительный заряд, необходимый для воспитания активного борца далекого от прекраснотворных порывов...

Назначение человека — оставить после себя добрый след на земле. Спасти лес от пожара, реку от обезвоживания, построить дом, положить рельсы в глухой тайге, написать музыку, картину, книгу, которые заставят думать и действовать на благо общества. Горький просил нас не забывать, что «каждый человек, точно осколки стекла, отражает своим цветом дичи какую-то маленькую частичку, но обнимая всею, во в каждом скрыт «свой бубенчик», и если встряхнуть его умело — он ответит приветно, хотя и неуверенно».

Умело встряхнуть «бубенчик» в юной душе, заставить его отозваться на добро, прозвенеть, предостерегающе против несправедливости — трудная задача. Но решать ее — насущный долг художника, могущественного волшебника страны нашего детства.

Мария
КОСТОГЛОДОВА,
РОСТОВ-НА-ДОНУ.